
А. Л. АНДРЕЕВ

ОБРАЗ РОССИИ И ОБРАЗ ЗАПАДА В СОЗНАНИИ РОССИЯН (СЕРЕДИНА 1990-х–2007 ГОДЫ)

Лонгитюдное исследование, проведенное сотрудниками Института социологии РАН, демонстрирует наличие определенных тенденций в изменении отношения россиян к Западу и к своей стране в период со второй половины 1990-х годов до 2007 года.

Что думают наши сограждане по поводу международного положения страны? Какое место, по их мнению, она занимает в мире? И как эти мнения влияют на те или иные аспекты российской идентичности, претворяясь в конечном счете в некий интегральный образ России?

Попробуем ответить на эти вопросы, опираясь на материалы исследования «О новой России и россиянах: между Европой и Азией», проведенного учеными Института социологии РАН в августе – октябре 2007 года. (По квотной выборке опрошены 2000 человек от 16 до 65 лет.) Его результаты сопоставимы с данными, полученными в ходе более ранних исследований на аналогичную тему, что позволяет достаточно уверенно говорить о тенденциях, характеризующих динамику массового сознания.

Исторически Запад выступает для России в роли «значимого другого», с которым так или иначе связана вся система смыслов, задающих характерные для российской ментальности картины мира. Здесь всегда обнаруживается некий иррациональный остаток, проявляющийся то в предельной открытости, то в замкнутости и изоляционизме, то в доходящей до самоотречения уступчивости, то в нежелании учитывать даже «разумные» (с точки зрения партнера) аргументы.

Со всей второй половины 90-х годов в российском массовом сознании менялся как образ самой России, так и эмоциональная тональность восприятия других стран и народов. Отношение практически ко всем странам, составляющим «активный» международный горизонт Российской Федерации, претерпело заметное охлаждение. Особенно резко и быстро изменились отношения россиян

к Западу. Если первая половина 90-х годов была временем увлечения перспективами вхождения в «сообщество цивилизованных государств», сопровождавшегося попытками массированного переноса зарубежного опыта на отечественную почву, то в середине десятилетия в российском обществе формируется своего рода неоконсервативная волна, лейтмотивом которой становится отход от западнических увлечений периода становления демократии. В середине 90-х годов в массовом сознании постепенно утверждается мнение, что западный путь развития при всех своих привлекательных сторонах для России неприемлем. Культурно-историческая самобытность России интерпретировалась в этом контексте уже не как «проклятие», а как непреходящая базовая ценность. Соответственно этой новой парадигме переосмыслилось и отношение между «мы» и «они» в его международном преломлении, в том числе и применительно к внешнеполитическим задачам государства.

Первоначально эти сдвиги в общественном сознании имели характер внутреннего самоутверждения и не несли в себе собственно антизападной направленности. Уровень симпатий к США и ведущим государствам Западной Европы вплоть до конца 90-х годов оставался высоким, превышая уровень антипатий не менее чем в 7–9 раз (по разным странам данная пропорция несколько варьировалась). Однако неуклонно осуществляемое вопреки опасениям и протестам Кремля расширение НАТО на восток, бомбардировки Сербии, появление американских военных баз в государствах Центральной Азии и планы развертывания элементов американской ПРО в Восточной Европе, настойчивые попытки выстраивать систему глобальных коммуникаций в обход России, явственно выраженная склонность к поощрению антироссийского политического вектора в СНГ и Балтии убеждали россиян в том, что западный мир в целом занимает далеко не дружественную по отношению к России позицию. В результате образ Запада в сознании большинства российских граждан получил прочную смысловую увязку с факторами угрозы.

Данные социологических опросов свидетельствуют, что такие настроения очень широко распространены в российском обществе и сегодня. Вместе с тем картина, которую мы получили в результате проведенного исследования, оказалась отнюдь не черно-белой. Она выявила разновекторность массового сознания, наличие в нем противоположно направленных тенденций и определенных смысловых «нестыковок». Несмотря на явно нарастающее взаимное

недовольство, вылившееся в настоящую медиаканонаду взаимной критики, около 35 % наших сограждан убеждены в том, что эти отношения в последнее время улучшились, тогда как противоположного мнения придерживается в два раза меньшее число опрошенных – чуть более 16 % (каждый четвертый ответил, что отношения остались такими, какими и были).

Заслуживают внимания результаты, полученные в ходе выявления представлений россиян о том, к каким странам мира, символизирующим соответственно Запад и Восток, ближе всего Россия: а) по культуре; б) по экономике; в) по национальному характеру. В ходе опроса мы предлагали респондентам произвести оценку социокультурной дистанции между цивилизациями, отметив место России в той или иной клеточке разработанной нами специально для такого анализа 11-балльной шкалы (табл. 1). Вопрос этот начиная с 1998 года неоднократно включался в программу наших исследований, что позволило сформировать эмпирическую базу для построения временного ряда данных, в рамках которого достаточно отчетливо просматриваются определенные тренды.

Таблица 1

К каким группам стран ближе всего Россия?

(Цифры в каждой из клеточек 11-балльной шкалы обозначают процентную долю респондентов, отметивших в своем ответе данную клеточку, в общем числе ответивших.)

1998 год

<i>А) По культуре</i>												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	9,3	8,1	14,9	17,0	10,3	23,6	4,2	5,1	4,1	1,5	1,9	Китай, Япония, Индия
Среднее значение: 4,4												
Затруднились ответить: 3,1												
<i>Б) По экономике</i>												
США, Франция, Германия	2,4	2,0	5,3	7,3	5,8	25,9	10,2	12,9	11,9	6,1	10,2	Китай, Япония, Индия
Среднее значение: 5,4												
Затруднились ответить: 3,1												

В) По национальному характеру												
США, Франция, Германия	7,1	5,2	10,0	11,5	10,5	39,1	5,0	4,5	3,5	1,6	2,0	Китай, Япония, Индия

2004 год

А) По культуре												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	8,0	8,0	16,5	16,1	10,1	21,4	4,7	4,9	4,1	1,0	1,6	Китай, Япония, Индия

Среднее значение: 4,4

Затруднились ответить: 3,1

Б) По экономике												
США, Франция, Германия	3,8	2,3	6,5	9,4	9,0	24,7	8,4	11,6	10,3	4,5	6,8	Китай, Япония, Индия

Среднее значение: 5,4

Затруднились ответить: 3,1

В) По национальному характеру												
США, Франция, Германия	5,6	5,0	9,6	12,4	11,4	32,7	6,8	5,4	3,6	2,3	2,6	Китай, Япония, Индия

Среднее значение: 4,9

Затруднились ответить: 3,5

2007 год

А) По культуре												
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
США, Франция, Германия	12,2	10,9	18,6	12,7	9,8	17,3	4,8	2,9	3,7	2,1	2,1	Китай, Япония, Индия

Среднее значение: 4,4

Затруднились ответить: 3,1

Б) По экономике												
США, Франция, Германия	8,9	6,4	11,4	9,7	10,8	23,1	6,7	5,9	7,2	2,8	4,0	Китай, Япония, Индия
	<i>Среднее значение: 5,4</i>											
<i>Затруднились ответить: 3,1</i>												
В) По национальному характеру												
США, Франция, Германия	10,1	9,0	13,1	9,7	11,0	25,8	5,4	3,6	4,2	2,2	2,5	Китай, Япония, Индия
	<i>Среднее значение: 4,9</i>											
<i>Затруднились ответить: 3,5</i>												

Интерпретируя представленные в таблице 1 данные, естественно было бы считать, что оценки, проставленные респондентами в одной из клеточек в левой части предложенной им 11-балльной шкалы, относят Россию к Западу, а проставленные в правой – к Востоку. При этом сравнительная интенсивность западных и восточных черт культуры, экономики или национального характера выражается положением соответствующей клеточки на шкале: те, кто выбрал крайнюю левую из них, очевидно, придерживались мнения, что Россия в соответствующей сфере социальной жизни практически ничем не отличается стран Запада, а те, кто выбрал крайнюю правую, стремились подчеркнуть ее восточную или, если угодно, «азиатскую» сущность. Остается еще центр шкалы, одинаково удаленный и от правой, и от левой ее оконечности. Его нельзя однозначно соотнести ни с Западом, ни с Востоком, поэтому в настоящем контексте разумно было бы интерпретировать проставленные здесь оценки как указывающие на промежуточную, переходную, «евразийскую» природу России. Поскольку сопоставление «веса» одной-единственной клеточки с «весом» любой из полуосей уже априори представляется методологически сомнительным, то в качестве «евразийского» участка шкалы в проводившихся нами исследованиях мы обычно рассматривали всю ближайшую окрестность центральной точки шкалы (т. е. не только 6-ю, но и примыкающие к ней справа и слева 5-ю и 7-ю клетки).

Исходя из методологических пояснений, дающих ключ к интерпретации полученных данных, обратим внимание на некоторые особенности распределения ответов, которые были даны нашими респондентами в разные годы и применительно к различным сферам жизнедеятельности российского общества.

В 90-е годы большинство россиян (50 %) отождествляли себя с Западом только в культуре. Экономика царившего в те годы «дикого» капитализма казалась им чисто азиатским или, в лучшем случае, каким-то смешанным, «евразийским» явлением (количество ответов, проставленных в четырех правых клеточках шкалы и в центральной ее части, было примерно равным и составляло чуть больше 41 %). Что касается национального характера, то по этому параметру россияне совершенно определенно аттестовали себя как «евразийцев» (в центральной части шкалы сконцентрировано около 55 % ответов, тогда как в «западной» – приблизительно треть, а в «восточной» – около 12 %). Несмотря на колебания значений соответствующих показателей (которые, впрочем, чаще всего не выходили за рамки значения возможной статистической погрешности), эта картина в общем и целом сохранялась и в 2004 году.

Позднее, однако, ситуация стала меняться, причем довольно парадоксальным образом. Любой мало-мальски внимательный наблюдатель легко заметит, что психологическую атмосферу российской общественно-политической жизни сегодня во все возрастающей степени определяют крепнущее чувство самостоятельности, растущая уверенность в себе, сопровождаемые стремлением дистанцироваться от Запада. Однако индикаторы, характеризующие российскую идентичность в ее отношениях к Западу и Востоку, как это ни странно, сдвинулись в прямо противоположном направлении. И если в оценках культуры, где россияне традиционно более всего сближали себя с Западом, указанная тенденция лишь слегка просматривается (доля считающих, что по культуре Россия стоит гораздо ближе к США, Англии, Франции, чем к Индии или Китаю, увеличилась с 2004 года всего на 6 %), то применительно к экономике можно говорить уже о значительной корректировке взглядов. Хотя наибольшее количество ответов так же, как в 1998 и 2004 годах, пришлось на центральную – «евразийскую» – часть рассматриваемой нами шкалы, процентный «вес» которой почти не изменился (ныне он составил 40,6 %), в остальном картина изменилась «с точностью до наоборот». Доля считающих, что современная российская экономика приобрела западные черты, увеличилась по

сравнению с 1998 годом более чем в 2 раза (с 17 до 36,4 %), в результате чего она почти вплотную подтянулась к «евразийскому» центру. В то же время процент тех, у кого народное хозяйство России по-прежнему ассоциируется с Востоком, в такой же пропорции сократился и ныне составил не более пятой части от общего объема выборки. Но если динамику оценок экономики в конце концов можно объяснить рационально (за последние годы действительно была проделана очень большая работа, направленная на то, чтобы придать российскому капитализму более или менее «цивилизованный» облик), то полученные в ходе опроса данные, касающиеся национального характера, оказались достаточно неожиданными. Здесь стабильным оставался уже не центр, а правая часть шкалы, где аккумулируются мнения той довольно немногочисленной части россиян, которой соотечественники представляются «людьми Востока»; перераспределение голосов происходило между центром и левой частью шкалы. Если в 1998 и в 2004 годах более половины опрошенных старались разместить россиян на приблизительно равном удалении от американцев, англичан, французов, с одной стороны, и китайцев, индийцев, японцев – с другой, то в 2007 году большая часть ответов (около 42 %) впервые оказалась сконцентрирована на левой оконечности шкалы, перевесив «евразийский» ее участок примерно на 3–4 %.

Чем вызвана эта вроде бы совершенно «нелогичная» тенденция, идущая вразрез с мейнстримом российской политической жизни? Единственным разумным объяснением, на наш взгляд, было бы то, что в действительности она сформировалась вовсе не вопреки, а скорее даже благодаря той переоценке Запада, которая произошла в российском обществе на рубеже истекшего и нынешнего столетий. Определившись со своими целями и интересами и более отчетливо осознав свою самостоятельность, общество утратило психологическую потребность в том «надрывном» антизападничестве, которое до недавнего времени достаточно сильно проявлялось и в общественно-политической публицистике, и в массовом сознании: зачем, в самом деле, без конца подчеркивать то, что и так стало вполне очевидным? В результате многие оценки и самооценки стали более объективными, утратив эмоциональный накал, обычно присущий борьбе за самоутверждение. В такой ситуации психологически легче признать в себе какие-то западные черты без риска утратить собственную идентичность. Надо учитывать и то, что Запад в российском самосознании выступает в разных ипоста-

сях, причем в зависимости от конкретных условий на первый план может выходить то одна, то другая из них.

В качестве доминирующего субъекта международных отношений Запад представлен различными политическими, военно-политическими и экономическими структурами. Наиболее проблемной из них в глазах россиян является НАТО. Еще в середине 90-х годов, когда российская политическая элита уже активно заявляла о своей обеспокоенности решениями и действиями этого блока, большинство россиян воспринимали ситуацию весьма благодушно. Так, в 1998 году только 4,4 % опрошенных считали Североатлантический альянс источником реальной опасности. Однако всего через год под влиянием спланированной и осуществленной натовскими стратегами военной акции в Югославии уже около половины опрошенных характеризовали его как враждебную России структуру. С тех пор отношение к НАТО в российском обществе продолжает оставаться устойчиво негативным, причем такое положение достаточно прочно закрепилось на уровне эмоционального восприятия. Сегодня, согласно данным настоящего опроса, само слово «НАТО» вызывает положительные чувства менее чем у одного респондента из четырех, тогда как отрицательные – у 76 % опрошенных.

Целый шлейф негативных ассоциаций сопровождает в массовом сознании образ США и американской политики. Если в 1995 году свыше 77 % наших респондентов воспринимали упоминание о США вполне благожелательно и только 9 % – неприязненно, то в начале текущего столетия доля первых сократилась до 37 %, вторых же, напротив, выросла до 39–40 %. В дальнейшем этот ушедший в минус баланс мнений стабилизировался и с тех пор практически не менялся. Проведенный летом 2007 года опрос подтвердил эти цифры: положительно относятся к США примерно 37 % опрошенных, а отрицательно – почти 45 % (см. табл. 2).

Таблица 2

Какие чувства вызывает у россиян упоминание о различных странах мира? (%)

Страна	В основном положительные	В основном отрицательные	Нейтральные
1	2	3	4
1. США	37,4	44,7	17,9
2. Польша	37,3	37,9	24,8
3. Великобритания	51,5	25,1	23,4

1	2	3	4
4. Франция	75,1	9,2	15,7
5. Германия	62,4	21,1	16,5
6. Япония	60,0	18,1	21,9
7. Китай	44,7	32,2	23,0
8. Индия	64,1	11,4	24,5
9. Сербия	43,8	21,6	34,6
10. Украина	48,9	33,8	17,3
11. Казахстан	63,0	15,0	22,0

Негативная аура Соединенных Штатов, конечно, не могла так или иначе не распространиться на их союзников, в совокупности составляющих Запад как особый геополитический и культурно-исторический субъект. По сравнению с началом и даже серединой 90-х годов практически все они также лишились некоторой части своих приверженцев из числа россиян, хотя и не в такой степени, как США. При этом довольно отчетливо просматривается следующая закономерность: чем более самостоятельную и критическую позицию по отношению к американской стратегии глобального доминирования занимает та или иная страна Запада, тем теплее относятся к ней россияне. Безусловным их фаворитом является Франция. Количество россиян, которым нравится эта страна, превышает число ей не симпатизирующих примерно в 8,5 раз.

Несмотря на нелегкие для многих представителей старшего поколения воспоминания о Второй мировой войне, достаточно уважительно и дружелюбно воспринимается Германия. В данном случае перевес симпатий над антипатиями также достаточно убедителен – он составляет приблизительно 1:3. Свыше 72 % российских граждан оценивают нынешние отношения России с Германией как хорошие и очень хорошие, плохими или очень плохими их назвали всего 7,5 % (кстати, до 37 % россиян считают, что общая трагедия времен войны скорее сближает, чем разъединяет бывших противников).

А вот «туманный Альбион», который часто безоговорочно поддерживает даже такие действия США, которые другим кажутся чрезвычайно сомнительными, на этом фоне несколько проигрывает. Если в 1995 году по уровню популярности среди россиян Великобритания почти не уступала Франции и на 7–8 % опережала Германию, то в 2007 году она уже отстает от Германии примерно на

11 процентных пунктов. Попытки сыграть роль противовеса России не прошли даром даже для традиционно близкой ей Украины: обращает на себя внимание не только довольно скромная позиция, которую она заняла в «рейтинге симпатий», но и необычно высокий для «братской республики» уровень антипатий.

Еще хуже выглядит в глазах россиян Польша, пытающаяся играть роль лидера проамериканских сил в Евросоюзе и одновременно – одного из главных критиков политической стратегии Кремля и спонсируемых им геоэкономических проектов.

Подвижный баланс прозападных и антизападных настроений в российском обществе, несомненно, надо рассматривать как фактор, влияющий на образ Европы, который складывается в массовом сознании. Этот образ в целом привлекателен и окрашен в отчетливо позитивные тона. Европа для россиян – это нечто более близкое, чем Америка или, допустим, Азия (хотя, как видно из таблицы 2, отношение к таким традиционно связанным с Россией азиатским странам, как Индия или Казахстан, отнюдь не хуже, чем к любой европейской стране, исключая Францию). В ходе исследований выяснилось, что индикатор положительных реакций на слово «Европа» весьма высок. В 2007 году он зафиксирован на уровне 72 %. Выше по рейтингу идет только Россия (около 96 %). Азия и Америка в этом плане проигрывают Европе соответственно 20 и 30 %.

Интересно отметить, что между числовыми значениями индикаторов, отражающих эмоциональное восприятие понятий «Европа» и «Европейский Союз (ЕС)», существует разительный перепад, который устойчиво держится на отметке 20 %. Летом 2002 года положительные ассоциации с первым из этих понятий зафиксированы у 79 %, а со вторым – только у 59 % респондентов, в 2007 году – соответственно у 72 и 53 %. Объяснить этот факт, который на первый взгляд кажется логической аномалией, можно только тем, что Европа как особое культурно-историческое образование ближе и понятнее россиянам, чем Европа – ЕС, выступающая в виде институционального субъекта международной политики.

Сопоставляя мнения наших респондентов по разным вопросам, касающимся положения России в мире, мы в свое время сделали вывод о том, что Европа выступает в политическом мышлении наших сограждан как бы в двух ипостасях – «западной» и «собственно европейской». Из этого, в частности, следовало, что недоверие к ней как к *Западу* может уравновешиваться тяготением к ней именно как к *Европе*. В то же время отмеченная выше тенденция

к сокращению дистанции, которая в глазах наших сограждан отделяет их от Запада, по идее должна была бы способствовать снятию негативной нагрузки с западной составляющей образа Европы и тем самым способствовать еще большему распространению благоприятных оценок Европы в российском обществе. На деле, однако, этого не произошло. Сравнение результатов проводившихся нами исследований, в которые начиная с 2000 года включался тест на эмоциональное восприятие социально-политических концептов, свидетельствует, что доля респондентов, у которых слово «Европа» вызывает положительные чувства и ассоциации, постоянно уменьшалась. Происходило это не очень быстро, но неуклонно, и всего за 6–7 лет уменьшение, о котором идет речь, стало достаточно ощутимым (2000 год – 83 %; 2004 – 79 %; 2007 – 72 %). Соответственно этому неприязненные реакции на слово «Европа» стали встречаться значительно чаще (в 2000 году они были зафиксированы у 17 % опрошенных, а в 2007 – уже у 27 %).

Симптомы охлаждения россиян к Европе проявились и в идеологически отрефлектированной картине мира. В 2002 и 2004 годах почти 42 % респондентов поддерживали тезис о том, что Россия – это часть Европы, которая органически принадлежит европейской истории и в XXI веке будет теснее всего связана именно с этой частью мира. Сегодня так считают лишь 35 % опрошенных. Данная точка зрения уже не преобладает: примерно столько же опрошенных уверены, что Россия не является в полной мере европейской страной, а представляет собой совершенно особую – евразийскую – цивилизацию и в будущем центр ее политики будет смещаться на восток.

Учитывая, что вопрос об отношениях с Европой (и одновременно об отношении к Европе) не только имеет сугубо прагматический смысл, но и глубоко укоренен в проблематике российской идентичности, эта тенденция, на наш взгляд, заслуживает пристального внимания. Что вызвало ее к жизни? Обратимся к анализу мнений по поводу того, какими мотивами руководствуются развитые европейские государства в своих отношениях с Россией. В настоящее время лишь около четверти наших сограждан придерживаются той точки зрения, что европейские страны заинтересованы в выходе России из кризиса, причем за пять лет эта цифра весьма заметно сократилась (на 12 %). Еще меньшее число опрошенных (один человек из пяти) полагают, что европейцы стремятся к всестороннему и равноправному сотрудничеству с Россией. Большин-

ство же убеждены в обратном: около половины – в том, что Европа видит в усилении России угрозу и потому не желает ее действительного подъема, а почти две трети – в том, что ее интерес к России ограничивается исключительно природными ресурсами. Такая интерпретация намерений и действий европейских стран преобладает во всех социально-демографических группах и несколько смягчается лишь у граждан с материальным достатком выше среднего.

Очевидно, что антироссийская риторика европейских СМИ, дело Литвиненко, попытки принудить Россию принять не устраивающие ее правила игры в энергетике, лояльное отношение Евросоюза к кампании по сносу советских военных памятников в некоторых странах Восточной Европы не прошли даром. Если в начале текущего десятилетия многим россиянам казалось, что Россия и Европа способны понять друг друга на основе концепции многополярного мира и критического отношения к гегемонии единственной сверхдержавы, то дальнейший ход событий основательно их разочаровал. Коллективно испытываемое чувство разочарования, по-видимому, и стало толчком к переоценке отношения к Европе. В то же время анализ данных указывает, что эту тенденцию вряд ли можно в полной мере объяснить какими-то конкретными «обидами». Наряду с разочарованием в европейской политике наблюдается и определенная потеря интереса к Европе, в том числе снижение значимости того, что можно назвать «европейским примером» для России.

Насколько «европейскими» являются культурные интересы россиян? Насколько интенсивны их культурно-информационные связи с Европой? В какой степени политический диалог России с Европейским Сообществом подкрепляется культурной практикой среднестатистического российского гражданина?

Таблица 3

Как россияне в течение последнего года познакомились с теми или иными явлениями европейской жизни и культуры?

(2002, 2007 годы, %)

Явления европейской жизни и культуры	2002 год	2007 год
1	2	3
Посетили одну из европейских стран	4,5	4,4
Прочитали книгу европейского писателя	26,9	16,7
Посетили выставку, посвященную европейской культуре	6,2	3,1

1	2	3
Сходили на концерт европейских артистов	6,2	3,4
Посмотрели европейский кинофильм	56,6	41,7
Читали специальные издания (газеты, журналы) о жизни и культуре в странах Европы	19,9	13,8
Смотрели телевизионные передачи, посвященные европейской культуре	55,6	38,9
Слушали радиопередачи, посвященные европейской культуре	20,7	11,7
Получали информацию о жизни и культуре Европы через Интернет	3,8	5,7
Получали информацию о жизни Европы от друзей и знакомых, проживающих или часто бывающих там	20,1	17,7
Другое	1,3	0,2
За последний год не знакомились с теми или иными явлениями европейской жизни и культуры	22,2	31,2
Трудно сказать		7,6

Как видно из таблицы 3, основным источником информации о жизни европейских стран и их культуре являются для россиян кино и телевидение, в меньшей степени – книга. Примечательно, что за последние пять лет эти три информационных потока заметно обмелели. Так, доля читателей книг европейских писателей в 2007 году сократилась по сравнению с 2002 годом на 10 %, количество зрителей, посмотревших европейские фильмы и телепередачи о Европе, – примерно на 16 %. Сократилось и потребление специализированной информации – читать специальные издания о жизни и культуре европейских стран стали на 6 % меньше. Правда, это снижение отчасти компенсировал Интернет, однако действительно значимым источником сведений о Европе он является только для молодежи: в возрастной категории до 25 лет им пользовались с этой целью примерно 15 % опрошенных, но уже после 35 лет доля становится меньше средней по выборке.

Россияне предпочитают познавательным турам по крупным городам Европы чисто пляжный отдых на курортах Турции или Египта. За последний год хотя бы одну из европейских стран удалось посетить всего 4,4 % опрошенных, да и то в основном молодым людям (в категории до 25 лет приведенная цифра становится заметно более весомой – 7,6 %). Такие формы культурных контак-

тов, как посещение выставок и концертов европейских артистов, охватывают в общей сложности довольно незначительную часть населения, которая сократилась по сравнению с 2002 годом примерно вдвое. Более широко циркулирует опосредованная информация, почерпнутая от знакомых, но и она доходит лишь до одного человека из шести. К тому же подобная информация касается в основном бытовых вопросов и не имеет специфического достоинства живой наглядности.

Российское пространство, если рассматривать его в плане перспективы культурной интеграции с Европой, неоднородно. Вполне понятно, что менее всего ее влияние ощущается в деревне и рабочем поселке. Жители поселений такого типа уступают в этом отношении не только крупному, но и малому городу буквально по всем позициям, причем по некоторым из них в несколько раз. Например, выставки и концерты европейских артистов они посещают в 4–8 раз реже, чем жители районных центров, о москвичах же и петербуржцах даже говорить не приходится: в этом случае разрыв становится 15-, 20- и даже 25-кратным. Таким образом, города выступают в качестве своеобразных «конденсаторов» зарубежного социокультурного опыта. Различия между городами также существуют, но самые крупные из них отнюдь не являются безусловными лидерами межкультурной коммуникации. Так, областные и районные центры практически не уступают Москве и Санкт-Петербургу по степени «телевизионного» знакомства с европейскими странами. Их жители так же или почти так же часто смотрят европейские фильмы и слушают радиопередачи, рассказывающие о жизни и культуре европейских стран. А вот европейскую беллетристику в областных и, что особенно удивительно, в районных городах знают даже лучше, чем в мегаполисах.

За последние пять лет провинциальные города преодолели разрыв со столичными по включенности в международное общение через Интернет. В 2002 году получали этим путем информацию о жизни и культуре Европы: в Москве и Петербурге – 8 % жителей, в областных городах – около 5 % и в районных – 3 %. В 2007 году данный показатель по мегаполисам снизился (что косвенно свидетельствует о снижении здесь интереса к Европе вообще), но по областным и районным городам вырос. В результате областные города перегнали мегаполисы чуть ли не в 2 раза, а районные практически сравнялись с ними.

Информация от часто бывающих в Европе или постоянно там живущих друзей и знакомых доступна горожанам практически в равной степени. Вместе с тем, когда мы обращаемся к показателям, характеризующим интенсивность *непосредственных* контактов с жизнью и культурой современной Европы, картина становится совершенно другой. Здесь четко обозначаются разрывы культурного опыта, причем последние заметны уже при сопоставлении Москвы и Санкт-Петербурга с другими крупными городами. Различия между областными центрами и глубиной также значительны, но все же они в целом менее выражены. Всего за последний год в странах Европы побывали примерно 15,5 % жителей мегаполисов. В областных центрах этот показатель примерно в 3,5, а в районных – в 5 раз ниже. Возможности селян и жителей небольших поселков еще более ограничены, но все же они бывают в европейских странах не реже, чем жители районных городов.

Впрочем, социокультурная среда современного российского города также очень неоднородна, и «силовые линии» культурно-информационного взаимодействия с Европой распределены в ней весьма неравномерно. Дело в том, что «чувствительность» к европейским влияниям в современном российском обществе зависит от социально-демографических различий. Как известно, открытость к зарубежным культурам и интенсивность взаимодействия с ними более всего проявляются в молодости. Тенденция эта действует не только на уровне культурных предпочтений и установок (соотношение оценок «нравится» и «не нравится»), но и на уровне реального выбора культурных объектов (получение информации, знакомство с теми или иными книгами, посещение культурных мероприятий). Наше исследование подтвердило, что у молодежи «окно в Европу» открыто шире, чем у россиян старшего возраста. При этом, однако, значения большинства индикаторов, характеризующих степень включенности молодежи до 35 лет в культурно-информационное поле Европы, заметно снизились: по чтению книг европейских писателей – с 31–38 % до 16–22 %, по посещению выставок и концертов – с 7–12 % до 3–5 %, по просмотрам кинофильмов – с 62–78 % до 43–56 %, по знакомству со специальными изданиями о жизни Европы – с 25–35 % до 15–20 %. Вырос за рассматриваемый период лишь один показатель – использование Интернета в качестве источника информации о жизни европейских стран.

Отметим еще одно обстоятельство – резкое снижение порогового возраста, когда россияне проявляют наибольшую заинтере-

сованность в получении информации о Европе. В 2002 году он составлял примерно 40–45 лет; лишь после этого интерес к информации такого рода начинал заметно снижаться. Сейчас показатели, характеризующие вовлечение в поле культурно-информационного взаимодействия с Европой, резко падают уже после 25 лет.

Реконструировать «семантическое наполнение» образа Европы в массовом сознании и сопоставить его с образом России позволяют ответы респондентов на вопрос о том, какие слова из предложенного им списка ассоциируются с Западной Европой или/и с Россией (табл. 4).

Таблица 4

Какие слова ассоциируются с Западной Европой и Россией? (%)

Слова	Западная Европа, 2002 год	Западная Европа, 2007 год	Россия, 2002 год	Россия, 2007 год
1	2	3	4	5
Права человека	79,9	79,3	16,9	27,2
Расцвет	66,9	63,9	16,7	31,0
Гуманизм	41,4	45,0	38,1	47,0
Угроза	43,2	56,7	24,6	28,2
Воля	29,0	30,7	42,3	55,6
Культура	64,4	52,9	56,5	69,2
Слабость	12,3	21,6	57,3	60,2
Благосостояние	82,4	87,7	6,1	15,3
Угнетение	18,7	33,9	42,3	48,6
Скука	27,3	35,7	33,8	42,6
Свобода	58,9	62,6	34,2	35,8
Кризис	14,3	24,1	79,6	72,2
Безопасность	52,6	59,0	16,8	30,6
Насилие	39,2	44,7	56,9	46,9
Цивилизация	78,7	80,1	15,7	26,8
Патриотизм	25,0	21,3	68,4	78,3
Интеллект	41,5	41,1	61,6	65,0
Энергия	34,8	32,4	49,0	62,1
Честность	27,6	29,7	40,3	55,4
Духовный мир	29,8	24,8	63,6	73,1
Лицемерие	55,6	59,8	35,1	31,1
Дисциплина	70,1	69,7	27,4	22,4
Наркотики	75,4	68,4	75,6	62,2
Моральный упадок	32,5	44,8	63,1	58,2

1	2	3	4	5
Демократия	62,9	69,7	28,6	30,7
Эгоизм	50,0	59,0	29,0	28,7
Гармония	37,2	41,9	18,0	36,9
Взаимопомощь	30,7	28,7	55,0	66,4
Сила	45,2	39,4	48,5	59,4

Нетрудно заметить, что ассоциативный «портрет» Европы в 2007 году оказался почти таким же, как в 2002. Обращает на себя внимание увеличение «веса» некоторых отрицательных характеристик («угроза», «угнетение», «скука», «моральный упадок», «эгоизм»). Но если выделить четыре-пять общезначимых смысловых ассоциаций, которые респонденты отмечали чаще всего, то окажется, что их набор остался тем же, что и в 2002 году. «Западная Европа» для россиян – это по-прежнему в первую очередь *благосостояние, цивилизация, права человека, демократия, дисциплина*. Так считают представители всех основных социально-демографических групп.

Образ России изменился за это время в гораздо большей степени. Подсчитаем общее количество включенных в таблицу семантических индикаторов, значение которых выросло или уменьшилось по сравнению с 2002 годом более чем на 5 % (что заведомо превышает величину статистической погрешности и, стало быть, уже никак не может рассматриваться как случайная флуктуация). В столбце «Россия» их 22, а в столбце «Западная Европа» – 13. Если же говорить не обо всех, а только о *значительных* изменениях, подняв соответственно и порог расчета (допустим, с 5 до 10 %), то в первом случае их будет 13, а во втором случае – 1. Однако еще важнее перегруппировка смыслов по их рейтингу. В 2002 году Россия, к сожалению, ассоциировалась в первую очередь с «кризисом» и «наркотиками», и только вслед за этими безусловно негативными понятиями шли позитивные – «патриотизм» и «духовный мир», от которых лишь немного отставала завершающая список ассоциация «моральный упадок». В 2007 году первая пятерка характеристик России выглядит уже иначе: «патриотизм», «духовный мир», «кризис», «культура», «взаимопомощь». Кризис в этом ассоциативном ряду еще остается, но уже не выходит на первый план, и в общем итоге положительная семантика начинает преобладать над отрицательной (четыре положительных признака против одного отрицательного).

Рассматривая эволюцию образа России в массовом сознании, нельзя не обратить внимание на существенный рост всех индикаторов в очень важном смысловом кластере, характеризующем внутренний динамизм страны («сила – воля – энергия»). Наблюдается не только абсолютное повышение значений этих индикаторов, но и значительное увеличение разрыва в частотах соответствующих ассоциаций в пользу России: по понятию «сила» этот разрыв составлял в 2002 году 3 %, а в 2007 году – уже 20 %, по понятию «энергия» – 14 и 30 %, «воля» – 13 и 25 %. Заметно более высокие баллы Россия получила практически по всему спектру положительных духовных качеств, причем не только морального, но и интеллектуального плана: «честность», «патриотизм», «духовный мир», «интеллект», «гуманизм». Сюда же в принципе можно отнести и понятие «культура». Если еще пять лет назад она ассоциировалась в сознании опрошенных больше с Европой, чем с Россией, то сегодня ситуация поменялась на противоположную. Правда, это практически не отразилось на сопоставлении Европы и России с точки зрения цивилизации (и, очевидно, цивилизованности): хотя по этому показателю позиции последней тоже несколько улучшились, все же общепризнанным эталоном «цивилизации» для россиян по-прежнему остается Европа.

И образ России, и образ Западной Европы в массовом сознании в достаточной степени инвариантны относительно социальных и демографических различий. «Вес» отдельных семантических компонентов в каждом из образов несколько колеблется по возрастным группам и в зависимости от уровня образования и материального положения респондентов. Но эти колебания носят хаотический характер. Во всяком случае, какие-либо отчетливые тенденции, выявляющие разрывы в интегральном восприятии России и Европы между поколениями, образовательными группами, а также социальными слоями, различающимися по своим доходам и статусу, не обнаруживаются. Скорее можно говорить об отдельных оттенках мироощущения, связанных с возрастом, образованием, социокультурным опытом. Например, у молодых россиян образ России почти в 1,5 раза чаще, чем у пожилых, ассоциируется со словом «угроза». Но в целом молодые и пожилые, имеющие высшее образование и не имеющие даже среднего образования, живущие в достатке и малообеспеченные, на ассоциативно-эмоциональном уровне приблизительно одинаково представляют себе как свою собственную страну, так и Западную Европу.

О том, что россияне вовсе не воспринимают себя и свою страну в розовом цвете, свидетельствуют, в частности, весьма критические оценки России по таким параметрам, как, например, «демократия», «свобода», «угроза», «скука», «моральный упадок», которые по сравнению с данными пятилетней давности изменились очень незначительно или совсем не изменились. Впрочем, россияне вряд ли рассматривают «демократию» как предмет первой необходимости. Психологически им сейчас гораздо важнее почувствовать симптомы выхода страны из затяжного кризиса, а это ощущение, судя по тому, как меняется образ России в сознании ее граждан, у них сейчас появилось. Поэтому сопоставляя свою страну с Западной Европой и сознавая многочисленные и важные преимущества последней, россияне сегодня отнюдь не чувствуют себя подавленными или тем более «потерпевшими поражение». Как говорил когда-то канцлер А. Горчаков, «Россия сосредотачивается». Именно так, судя по всему, воспринимается складывающаяся на сегодня ситуация в массовом сознании.